

Моек. правда. - 1997. - 1 мая - с. 4.

«Всех бледней и пленительней ты...»

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

«Ни одна великая актриса не была красавицей», - писал Сомерсет Моэм. Насколько он прав? И насколько однозначно можно сказать, красива ли та, что каждый вечер выходит на сцену, сопровождаемая рукоплесканиями влюбленных в нее зрителей? Красива ли? Впрочем, имеет ли это значение?

Любовь к Марине Нееловой, загадочной, недостижимой звезде московского театра «Современник», стойко держится у зрителей уже долгие годы. С тех самых пор, когда Марина Мстиславовна сыграла на этой сцене свои первые роли: Любу в «Фантазиях Фарятева», Виолу в «Двенадцатой ночи», Нику в спектакле «Из записок Лопатина». За что любят? Не за красоту, хотя немного на нашей сцене женщин, могущих быть столь же прекрасными, как Неелова. Любят - за умение посмотреть в самую душу, за огненность безудержной сексуальной энергии, за безжалостность и глубину таинственной актерской души. За узнаваемость и неповторимость. Мужчины - за пробуждающееся в них неукротимое пламя, женщины - за пример женственности, незащищенности и стойкости.

К «Фантазиям Фарятева» Неелова в своей жизни еще вернется, только уже на киноэкране: в двухсерийной экранизации она сыграет не Любу, а Александру, старшую сестру, тихую, смертельно уставшую от жизни женщину. Невзрачная учительница музыки с постоянно опущенной головой и помутневшими от безысходной тупости жизни глазами, она из последних и без того невеликих сил разъясняет мечтателю Фарятеву (эту роль сыграл неповторимый Андрей Миронов), почему она не может уйти за ним в прекрасный, придуманный им мир: Неелова показывает человека, дошедшего в жизни до самого страшного состояния - когда не надо уже ничего. Когда спасения нет. Спасение - только в забвении.

Застать Неелову в Москве - большая зрительская удача. И особенно нелегко приходится молодому поколению театралов, наслышанных от более старших коллег об удивительном даре Нееловой и жаждущих познакомиться с ее сценическими работами. Один из таких вот восторженных сидел рядом со мной однажды на спектакле в «Современнике». Мы не были знакомы до этого, но по просмотре оказались накрепко связанными одним: страстной любовью к Магической Марине, снова покорившей нас.

В тот вечер давали «Анфису». Спектакль не новый - ему уже больше шести лет. Но жив он во многом благодаря актрисе, и не только жив, а продолжает быть столь же популярным, как и в день премьеры.

Пьеса Л.Андреева могла бы выглядеть обычной мешанской драмой, если бы высокое трагическое дарование Нееловой не вознесло ее на порядок выше. Ее Анфиса - почти Арбенин в юбке, с тем же отчаянным противостоянием мелкому, суетливому, но очень жестокому в своей ограниченности окружению; с той же безумной страстностью и такой же безумной ранимостью души, запрятанной за строгим черным платьем. Неелова выглядит на сцене большой черной птицей, неслышно скользя и увлекая за собой летящую вслед шаль; птицей с подрезанными крыльями, подрезанными всеми, кто не хочет для нее свободного полета, - малодушным любовником, глупой средней сестрой и истеричной ревнивицей младшей. Анфиса, в противовес всеобщему сумбуру, не кричит и не устраивает никому сцен - она молчит, горько сжав плечи словно под тяжестью измученной души. И ее молчание не менее великолепно, чем ее чарующий голос.

Неожиданно для многих в репертуаре Марины Нееловой появилась прятная, экзотическая вещь «Адский сад» Р.Майнарди. Условные, насквозь ненастоящие обстоятельства не смутили актрису, и родился образ, подобных которому в ее биографии еще не было. Вальтрауте, взрывная изломанная красавица с забавным немецким акцентом, стала электрошоком спектакля, где все нарочито замедлено и искусственно: люди, движения, эмоции, жизни, смерти. Легкая, как стрекота, с распахнутыми глазами и циничными интонациями, затянута в черное, она тенью пронесется по сцене, обдавая горячей эротической волной. В мертвых, застывших формах спектакля за ней одной завороченно следишь, внимая музыкальному голосу, следя за летящими движениями, поражааясь ее

хищническим желаниям. Неелова не умеет быть ненастоящей.

Но умеет быть хищницей. Хотя, скорее, «хищницей поневоле» - страстной от страданий, умной от несчастий. Маша из чеховских «Трех сестер» любит безумно, горько, даже злобно - ей видится спасение в появившемся в ее жизни человеке извне, но дверь оборачивается стеной, и уже другая Маша, поломанная, как молодая березка, застывает на сцене в безмолвном, охватившем ее душу страдании.

Актрисе удивительно идет черный цвет. Не просто идет - он ей помогает. Черный цвет - знак помощи от назойливых взглядов и попыток заглянуть в душу. Но оставаясь под спасительной сенью черного, Марина Неелова никогда не закрывает себя, будучи на сцене. Такую распахнутость не выдержат, если нет уверенности, что есть защита. Глухое черное платье в «Анфисе», прозрачное, но черное одеяние в «Адском саду», наконец, всепоглощающая чернота - основной цвет «Крутого маршрута», чернота, в которой тонет все: эмоции, крики, страхи, в ней не исчезает только бледное лицо хрупкой Евгении Гинзбург. Неелова играет свою героиню, не щадя ни себя, ни зрителя. Гинзбург-Неелова проходит последовательно «семь кругов ада» тю-

ремно-лагерной жизни: допросы сменяются карцерами, карцеры - пытками и снова допросами. «Во что превратилась университетская красавица!» - насмешливо роняет следователь, глядя на обессиленную женщину. Но сломать эту необыкновенной силы натуру невозможно. Вспоминается ее лицо в

одиноком луче света, лицо сквозь железную решетку: лицо призрака с потемневшими от усталости глазами, черными кругами вокруг них, лицо с несмываемой печатью боли, сквозь которую проступает благородство и достоинство, лишиться которых человека не может самая жестокая «мясорубка», не проходящая, тем не менее, бесследно. Человек, переживший тюрьму, никогда не станет прежним, не сможет вернуть былую безмятежность сознания, а для женщины тюрьма - испытание вдвойне: для Гинзбург это не только бесконечное унижение достоинства, но и страх за детей, оставшихся без матери. «Боюсь, очень боюсь!» - раздается ее пронзительный шепот, словно ножом разрезающий густую тишину. Мужество актерское в «Крутом маршруте» соединилось с мужеством человеческим, и это делает роль Гинзбург, пожалуй, самой значительной работой Марины Нееловой.

Мне вспоминается Неелова после спектакля - на праздновании сорокалетия «Современника». Высокая, статная женщина с гордо посаженной головой и умными, усталыми глазами, она казалась почти что самой неразговорчивой среди «шумного бала» всеобщего веселья. Такое поведение могло бы показаться неприлично высокомерным, веда себя так кто-нибудь другой. Но Марине Мстиславовне это прощали все - прощали за Гинзбург, за сказанное ее величие, за таинственное очарование. Ее присутствие среди «своих» на замечательном празднике было само по себе праздником.

Каждая премьера «Современника» - всегда событие. Таковым стал и чеховский «Вишневый сад» - последняя премьера театра - с Нееловой в роли Раневской. Для актрисы это вторая встреча с пьесой: когда-то она сыграла Аню в другой редакции «...сада». Другое поколение, другие ценности. Другая, уже зрелая красота. Как хорошо, что у Нееловой впереди еще столько ролей в мировом и русском репертуаре.

Годы, как известно, меняют человека. Изменилась и Марина Мстиславовна. Только историк театра помнит ее ху-дественной «травестиющей», однажды резко, раз и навсегда перевоплотившейся в Женщину. Ту, которую мы почитаем за счастье видеть на сцене в любой роли.

На снимке: М. Неелова в роли Раневской («Вишневый сад»).

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

249

ЛЮДИ ИСКУССТВА